

Новый либерализм в России

Если говорить о либерализме как интеллектуальной традиции русской общественной мысли, то его развитие, несомненно, падает на 60—80-е годы прошлого столетия: именно в этот период оформляются его социально-философская концепция и политическое кредо. Об этом шла речь в нашей статье¹; там же мы отмечали, что на этом этапе русский либерализм, в отличие от западноевропейского, не создавал политических организаций, на что были причины, связанные, с одной стороны, с его ориентацией на деятельный контакт с правящим самодержавием и правительственной бюрократией, с другой — с особенностями российского революционно-демократического движения второй половины XIX века.

Ситуация, однако, изменилась в девятые годы. Начавшееся после отмены крепостного права развитие капитализма в стране неизбежно повлияло на либеральное движение — оно приобрело новую социальную базу и новое «лицо», дало новые имена и новые идеи. Земские съезды, следовавшие один за другим в начале 90-х годов, ознаменовали раскол либерального движения. Появился новый, буржуазный, либерализм, хотя и не вполне в западноевропейском смысле этого слова — так называемое третье сословие еще только складывалось в России, — но уже не выражавший однозначно политических предпочтений старых либералов. Так, «Беседа» (1899—1905 годы) — предшественница будущих буржуазно-либеральных организаций — не была однородна: в конце 90-х годов в кружке, объединявшем около 50 земских деятелей различных направлений, вместе с ортодоксально-либеральным ядром, признающим самодержавие положительным явлением русской жизни (Д. Шипов, М. Стахович, Н. Хомяков), стали набирать силу новые конституционалистские элементы (П. Милюков, П. Струве). Появление «Союза Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» с печатным органом «Освобождение», начавшим выходить в 1902 году в Штутгарте под редакцией Струве², организационно оформило этот раскол и положило начало процессу партийного оформления либе-

¹ См. Новикова Л., Сиземская И. Идеи истоки русского либерализма. «Общественные науки и современность», 1993, № 3.

² Как известно, все авторы, кроме Струве, публиковались в журнале анонимно, но позже свои псевдонимы раскрыли П. Милюков и С. Франк, наиболее сильно повлиявшие на направление журнала.

Сиземская И. Н. — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Новикова Л. И. — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник того же института.

рального движения³. Цель «Освобождения», как об этом заявлялось в первом номере журнала, определялась задачами организовать «либерально-умеренное ядро русского общества», осознать и оформить либерально-демократическое движение в стране⁴. Этим задачам должны были подчиниться как политическая доктрина, так и философская парадигма либерализма, что и произошло с образованием Народной Свободы. Либерализм превратился в идеологию партии, активно включенной в политическую борьбу.

Конечно, новый вид либерализма возник не на пустом месте, во многом он был «плоть от плоти» дворянского либерализма, но слишком много было различий между ними и различий столь существенных, что не только позднейшие историки⁵, но и исследователи начала века отказывали ему в праве называться либерализмом. В этой связи можно вспомнить спор, разгоревшийся в 20-х годах на страницах журнала «Современные записки» между В. Маклаковым и Милюковым⁶.

Маклаков считал, что кадеты без основания называли себя либералами, поскольку нарушили главный принцип либерализма — вступили в борьбу с существующей властью; вместо того, чтобы ее поддерживать, превратили себя в радикалов, «сошлись с революцией». Они ввели власть в заблуждение своим либеральным «обличием» и предали русскую государственность революционному разрушению, отказавшись сыграть традиционную для либералов роль буржуазных реформаторов. Этот отказ был для них равносильен самоубийству.

Милюков, в свое время положивший немало сил для изгнания из «Союза» приверженцев старого либерализма, «идеалистов самодержавия», возражал, что кадеты, будучи партией центра, оставались верны либерализму при всех изменениях политической ситуации, даже когда последняя вынуждала их идти на союз с левыми радикалами. Без всякой доли оправдания он признавал: «Революционером может стать при известных обстоятельствах и либерал»⁷. Заметим, что это не было личной точкой зрения на проблему. Другой, не менее авторитетный идеолог кадетской партии А. Кизеветтер подтверждал, что если в части стратегии партия Народной Свободы остается верна эволюционизму, то с точки зрения практики она ориентирована на отказ от недооценки применения методов насилия⁸. В «недооценке» упрекался «охранительный либерализм», отвергавший, как известно, не только революционные действия, но и конституционализм как «дворянскую затею». Эта возможная смена ме-

³ Партийное оформление закрепило существовавший раскол в виде фракций (октябристы, прогрессисты, кадеты). После поражения революции 1905—1907 годов либерализм быстро пошел по пути превращения в блок политических партий, пытавшихся сыграть роль парламентского посредника между приверженцами радикально-революционных действий и реакцией. Но мы оставляем в стороне этот момент истории либерализма и как наиболее освещенный в отечественной литературе. См. Ш а ц и л о К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 годов. М., 1985; Б а л а ш о в а Н. А. Российский либерализм начала XX века. М., 1971; Л а в е р ы ч е в В. Я. Общая тенденция развития буржуазно-демократического движения конца XIX — начала XX века. «История СССР», 1976, № 3.

⁴ «Освобождение». Штутгарт, 1902, № 1, с. 4—5.

⁵ Так, Н. Осипов считает, что после образования партии Народной Свободы либерализм, по сути дела, прекратил свое существование: «После 1905 года в России нет либерализма,— заключает Осипов.— Осталась кучка либералов, которая, будучи верной природе либерализма, не организовалась даже в партию». (Осипов Н. *Credo* русского либерализма. «Искусство кино», 1933, № 3, с. 13.)

⁶ См. М а к л а к о в В. А. Из прошлого. «Современные записки», Париж, 1929, №№ 38—40; 1930, №№ 41—44; 1932, №№ 48—50; 1933, №№ 51—53; 1934, №№ 54—56; 1935, № 58, 1936, № 60; 1937, №№ 46, 47. М и л ю к о в П. Н. Суд над кадетскими «либералами». «Современные записки», 1930, № 41; Либерализм, радикализм и революция. «Современные записки», 1935, № 57.

⁷ Милюков П. Н. Указ. соч., с. 348.

⁸ См. К и з е в е т т е р А. А. Партия Народной Свободы и ее идеология. М., 1917.

тодов борьбы обосновывалась тезисом, что партия заявляет себя партией *реальной политики*⁹.

Заявления о «реальной политике» сопровождалась попытками установить союз с «левыми». Но даже при этом кадеты все-таки не выдержали конкуренции с политическими радикалами, набравшими к этому времени силу и влияние в массах, и были оттеснены другой известной партией, уступив место на исторической арене «товарищу маузеру». Так закончил свой исторический путь либерализм в России, завершивший «идеалистический» этап российского освободительного движения (М. Вебер). «Кадетам было суждено проложить дорогу устремлениям, носители которых должны были уволить в отставку «идеализм» всего либерального земско-кадетского движения без различия его умеренно-реформаторского и более радикального оттенков. Ибо «дух» этих новых устремлений был столь же «материалистический», сколь и антилиберальный, и антибуржуазный»¹⁰.

Но вернемся к историческим истокам нового либерализма (к началу века), когда последний оттеснил дворянских либералов, приобретая социальную опору в набравшей силу промышленной буржуазии. Не согласный с формулой «самодержавие—общество—народ», новый либерализм не отрицал других идей старого либерализма и прежде всего тех, что были связаны с теорией правового государства. Она-то и стала социально-философским «плацдармом» неолиберализма. Политические же ориентации претерпели существенные изменения: от защиты самодержавия предлагалось перейти к пропаганде конституционной демократии¹¹. Однако предметом нашего рассмотрения является неолиберализм не столько как общественное движение, сколько как направление общественной мысли¹², и потому главным выступает вопрос: в какой мере новый либерализм сохранил интеллектуальную традицию дворянского либерализма (К. Кавелин, Б. Чичерин) и насколько внесенные им изменения в модели общественного развития созвучны сегодняшним поискам путей модернизации нашего общества?

* * *

Новый либерализм дал толчок дальнейшему развитию идей правового государства и «правового» социализма. Сразу отметим, что речь идет об определенном направлении общественной мысли, в рамках которого социализм понимается как углубление и расширение идей, правового

⁹ Там же.

¹⁰ Д а в ы д о в Ю. Н. Макс Вебер и Россия. «Социологические исследования», 1992, № 3, с. 121.

¹¹ Следует, правда, отметить, что с точки зрения приверженности к формам борьбы новый либерализм был неоднороден. Примечательна в этой связи позиция «обновленцев», выражавшаяся ими в неофициальном органе партии «Московском еженедельнике» (1906—1910 годы), инициатором которого был первый выбранный ректор Московского университета С. Трубецкой. После его смерти редактором-издателем стал Е. Трубецкой — либеральный помещик, статский советник, профессор философии права Московского университета, правый кадет. Журнал финансировали деловые круги московской буржуазии, и в целом он отражал ее либерально-монархические устремления, хотя редакция неоднократно объявляла его внепартийным изданием. См. Б а л а ш о в а Н. А. Российский либерализм начала XX века. М., 1971.

¹² Заметим, что именно эта сторона проблемы в последнее время вызывает все больший научный и общественный интерес. См. В а л и ц к и й А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX—начала XX века. «Вопросы философии», 1991, № 8; Ш а м ш у р и н В. А. Человек и государство в русской философии естественного права. «Вопросы философии», 1990, №6; Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое. Там же.

государства, а социализация последнего — как расширение сферы государственных прав человека. Милюков признавал, что неолиберализм обязан социализму целым рядом новых положений¹³. Влияние это было столь очевидно, что большинство противников нового либерализма упрекали его в эклектичности, в смешении идей классического либерализма с социалистическими требованиями его критиков. Упрек имел основания, но он не совсем был корректен. Приведем в этой связи следующее высказывание П. Новгородцева: «Когда мы говорим, что социализм, входящий в культурную работу современного государства, «врастающий» в современное общество, вполне приемлет теорией новейшего либерализма и практикой правового государства наших дней, это значит, что мы имеем здесь в виду социализм, утративший свое внутреннее существо и превратившийся в политику социальных реформ. В этом историческом воплощении социализма марксизм умер и превратился в предание. Таков исход реформистского течения социализма»¹⁴.

Таким образом, новый либерализм родился в том числе из «реформистского» социализма. И это, конечно, надо иметь в виду, что, однако, не означает, будто «революционный» социализм не повлиял на разработку концептуальных идей нового либерализма. Повлиял, и прежде всего через идею «человеческого освобождения» рабочего класса, понятого в смысле преодоления всех форм отчуждения. Видя в разработке этой идеи заслугу марксизма, Новгородцев вынужден был констатировать: «За марксизмом мы должны признать значение той идейной грани, после которой уже невозможен возврат нравственного сознания к прошлому, после которой и современное правовое государство должно было радикально изменить свой взгляд на задачи политики, на сущность права, на принципы равенства и свободы»¹⁵. Как самостоятельное направление мысли новый либерализм родился на стыке, пересечении либерализма с критикой «революционного» социализма и, конечно же, под значительным влиянием социальных задач, которые питали всю общественную мысль того времени. «Пусть новый либерализм — продукт социалистической критики либерализма, — подводил итог спору С. Гессен. — В еще большей мере он — продукт основного зла современного общественного строя, которое он пытается устранить и которое породило самый социализм»¹⁶.

В России новый либерализм связан с именами П. Новгородцева, И. Покровского, Влад. Гессена, Л. Петражицкого, а позже — Б. Кистяковского и С. Гессена, продолживших разработку идей «правового» социализма. С. Гессен является автором серии статей, в которых даны обоснование его концептуальных основ и анализ исторического пути¹⁷. Юридическое обоснование тезиса «о праве на достойное человеческое существование» дано Вл. Соловьевым в контексте его понимания права как «минимума нравственности» и концепции о взаимосвязи — в отличие от чичеринского разграничения — нравственности и права¹⁸. С классическим либерализмом этих мыслителей объединяли признание самоценности человеческой личности и ее свободы, защита идеи правового государства, неприятие любых форм правового позитивизма, признание приоритета правозаконности над политикой. Развивая новые идеи, и прежде всего идею «права на достойное человеческое существование»,

¹³ М и л ю к о в П. Н. Указ. соч.

¹⁴ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991, с. 516.

¹⁵ Там же, с. 521.

¹⁶ Г е с с е н С. И. Проблемы правового социализма. «Современные записки». Т. 22, 1924, с. 313.

¹⁷ «Современные записки». Т. 23, 1925; тт. 27—29, 1926; тт. 30—31, 1927.

¹⁸ См. В а л и ц к и й А. Указ. соч.

они пытались обосновать их в согласии «с общим духом либеральной системы ценностей. Новгородцев, Кистяковский и Гессен шли в этом направлении совершенно сознательно, признавая свою связь с предшественниками и дорожа ею»¹⁹.

Оригинальность собственных позиций новых либералов была связана с разработкой идеи взаимных прав и обязанностей между человеком и государством, с пониманием равенства в его «положительном» содержании — как равенства перед законом плюс «равные шансы для каждого». «Государство обязано не только не вмешиваться в частную жизнь граждан, но и помогать им положительным образом в ряде определенных случаев. Соответственно этому и отдельные лица обязаны прямо (например, взносы на страхование рабочих) или косвенно (например, школьные налоги) по отношению к другим лицам положительными актами и притом в порядке не нравственного благотворения, а чисто правового обязательства»²⁰. В тесной связи с этим тезисом обосновывалось отношение к институту собственности: новые либералы не принимали монопольную собственность, подчеркивая, что она сковывает свободу личной инициативы²¹. Собственность толковалась (и принималась) лишь как условие («поприще») личной свободы в отличие от классического либерализма, для которого она была тождественна полновластью лица над вещью.

И как следствие отмеченных моментов, новых либералов объединяло обоснование необходимости расширения сферы деятельности государства. Так, по словам Гессена, «обеспечение права на достойное существование и борьба с монопольной собственностью требуют такого усиления активности государства в области положительной культурной работы (школы, страхование, промышленность, земледелие, торговля), какая не представляется возможной правовому либерализму»²².

С изменением взглядов на функции государства был, таким образом, связан тезис о расширении границ человеческой свободы: государственная власть ограничивалась неприкосновенными правами человека, признанием, что *есть некоторая сфера самоопределения личности, в которую государство не имеет права вторгаться*. При этом понятие свободы мыслилось не как нечто, раз навсегда данное, «одинаково отмеренное всем лицам» конкретными правами, перечисленными «навечно», а как *«исторически подвижные возможности личного творчества»*. Одновременно ставился вопрос о политических свободах: о расширении избирательных прав граждан, о привлечении к законодательству широких слоев народа, что толковалось как средство придания правового характера борьбе общественно-политических групп и как принципиальное признание того, что никто сам по себе не является выразителем общей воли народа — последняя есть предмет общего искания. Государству в этих исканиях принадлежит своя роль: в качестве посредника оно должно способствовать приобщению всех групп к выработке компромиссов, находить «равнодействующую» сталкивающихся интересов. «Задача государства заключается в том, чтобы быть *надклассовым посредником между классами* и тем самым придавать их борьбе правовую форму»²³. В правовом государстве власть должна быть организо-

¹⁹ Там же, с. 35.

²⁰ Гессен С. И. Указ. соч., с. 271.

²¹ Например, трест, уничтоживший конкуренцию в своей отрасли; богатый лендлорд, диктующий свою волю окрестным арендаторам.

²² Гессен С. И. Указ. соч., с. 276.

²³ Там же, с. 291.

вана так, чтобы отдельная личность и народ могли быть как объектом, так и субъектом власти²⁴.

Таким образом, тезис о самоценности человека, о приоритете его свободы и нравственно-духовного развития над другими социальными завоеваниями, сохраняя свое ключевое место во всей системе воззрений, получил в новом либерализме дополнительную аргументацию, определив, как писал С. Гессен, три основных его отличия от классического либерализма: 1) в толковании прав человека («права-притязания» по отношению к государству); 2) в понимании принципа равенства («равенство исходного пункта»); 3) в отношении к институту собственности (неприятие монопольной собственности). Из этих основных различий вытекали другие оттенки в толковании либеральных идей.

Новый либерализм упрекал своих предшественников в чрезмерной формализации понятий свободы и равенства, в недостаточном отграничении идей равенства от конкретно-исторических условий их воплощения. Причина этого усматривалась в ограниченности философской конструкции, основанной на «механической концепции общества», в которой последнее рассматривалось как «агрегат одинаковых атомов-граждан» и не учитывалось при определении условий и границ свободы фактических различий между ними. Этой концепции новые либералы противопоставили понимание общества в качестве живой «цельности», единства многообразия, в котором каждый гражданин занимает свое особое и независимое, т. е. индивидуальное, место. «Самое понятие равенства освобождается тем самым от своего привкуса фактической одинаковости и очищается до понятия *равноценности фактически различных* между собой личностей»²⁵.

Сфера личных прав интерпретировалась как своеобразная «непроницаемость личности для другого», при которой сдерживается превращение человека в орудие чужой воли, в средство достижения чуждых ей целей. Важнейшее условие «непроницаемости личности» — наличие минимума благополучия, гарантирующего необходимую независимость и противостояние индивида попыткам превращения его в орудие чужой воли. Такое понимание предполагало большее социальное наполнение деятельности государства, ориентацию на защиту индивидуальности, утверждение ее безусловной ценности для общества.

Если для классического либерализма деятельность государства ограничивалась функцией охраны права, то для нового либерализма меняется содержание самой охранительной функции: защищая тезис «все что не воспрещено законом, то возможно», он придавал запретам смысл положительных предписаний с позиций справедливости²⁶. Далее. Поскольку чисто правовое равенство (равенство перед законом) еще не

²⁴ Признавалось, что государство, построенное на принципе народовластия, может быть деспотичным, а деспотизм народа, как замечал Кистяковский, бывает ужаснее деспотизма отдельного лица. Поэтому принцип правового государства предполагает не «самодержавие народа», а суверенитет, т. е. верховенство народа, который не требует во имя «общего дела» принесения в жертву интересов отдельной личности.

²⁵ Гессен С.И. Указ. соч., 281. С. Гессен так разъяснял эту позицию: «Равенство в правовом либерализме означало в сущности отмену привилегий для одних групп общества и запрещений для других групп, связанных с происхождением и родом занятий индивидов. Новый либерализм, напротив, и равенство мыслит наделенным некоторым более положительным содержанием. Так, например, равенство в образовании заключается уже не в праве каждого ребенка поступать в любую школу... но в праве его получать то именно образование, в котором он в силу особых условий своего существования нуждается». (Там же, с. 272.)

²⁶ «Когда отвергают право в самой идее, называя его насилием,— писал Новгородцев,— то имеют в виду право как порождение силы и произвола и забывают право как выражение справедливости и свободы — то право, которое издавна вдохновляло на подвиг и на борьбу и которое всегда почиталось священным достоянием лиц». (Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. Соловьева. М., 1901, с. 18—19.)

гарантирует фактического равенства, если не достигается определенный уровень материального благосостояния, то оно должно быть дополнено *социальным равенством*, уровень которого в значительной мере определяется проводимой государством политикой. Тем самым идея права (подчинение всех граждан одинаковому закону) дополнялась идеей блага, а государство представало гарантом достойного человеческого существования; в его обязанность вменялась поддержка слабых, дабы соблюдались правила «честной игры».

Классический либерализм игнорировал связь права и благосостояния, правового равенства, свободы и определенного уровня материального благополучия людей, чем вызывал в свой адрес справедливые упреки в формализме. «Этот взгляд, столь авторитетный в свое время,— писал Новгородцев,— весь покоится на одной коренной ошибке, раскрытой как нельзя ярче общественным развитием XIX века: ставя целью охрану свободы и отделяя от этого потребность в восполнении средств, эта теория забывает, что пользование свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств»²⁷. Новый либерализм подчеркивает, что формальное равенство должно быть восполнено социальным равенством, а точнее, действиями государства, смягчающими фактическое чрезмерное социальное неравенство.

Право отдельного индивида новые либералы рассматривают как «право-притязание» на труд, на образование, на медицинское обслуживание, на обеспеченную старость и т. п., а поэтому у государства, наряду с «запретительными» и «охранительными» функциями, должны быть положительные (не благотворительные!) обязанности по отношению к индивидам. Для классического либерализма из признания индивидуальной свободы вытекало требование невмешательства государства в частную жизнь граждан, новый же либерализм на этом признании основывает тезисы о государстве как гаранте социальных свобод и о праве каждого на минимальное материальное благополучие, на «достойное человеческое существование», которое имеет «не нравственное только, но юридическое значение» (Новгородцев)²⁸.

И все же с классическим либерализмом не было резкого расхождения, поскольку «благо» мыслилось как орудие права, т. е. как средство, обеспечивающее реальное равенство всех перед законом и оправдывающее гегемонию последнего в обществе. «Именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях существования; во имя достоинства личности оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование»²⁹. В толковании права, таким образом, появлялся новый социальный смысл, что стало основанием для интерпретации неолиберализма как *социального либерализма*.

В связи с так толкуемой идеей блага надо сказать несколько слов о позиции новых либералов относительно эксплуатации. Это зло совре-

²⁷ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование. В кн. «Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского». СПб., М., 1911, с. 5—6.

²⁸ Конечно, оставался вопрос о толковании самого понятия «достойное человеческое существование», на что указывал, например, Покровский, глава петербургской школы философии права, предложивший в формулировке Новгородцева опустить словосочетание «достойное человеческое» и ограничиться требованием «права на существование». (См. Покровский И. А. О праве на существование. В кн. «Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского»). Но, в конце концов, вопрос признавался решаемым в соответствии с общепризнанным уровнем условий для каждого данного места и в каждое данное время: «категорическим» императивом должно являться потрясающее по своей простоте и силе сознание — «так дальше жить нельзя». (Там же, с. 48.)

²⁹ Новгородцев П. И. Право на достойное человеческое существование, с. 6.

менного общества, считали они, частично нейтрализуемо в пределах правового государства посредством повышения уровня благосостояния и благополучия народа. Но подобными средствами нельзя решить вторую сторону проблемы, связанную с приравниванием труда к товару, а человека к вещи, с господством «духа капитализма», проявление которого видели прежде всего в господстве материального производства (хозяйства) над общекультурной жизнью общества, в превращении целей его развития (прироста и прибыли) в цель этой жизни. Однако, оставаясь на позициях правового государства, «новый либерализм» не ставил задачу борьбы против «духа капитализма», поскольку такая борьба означала бы признание правомерности предписаний целей хозяйствования со стороны государства, а это, в свою очередь, свидетельствовало бы о замене идеи права идеей блага и тем самым об отказе от основного принципа правового государства. В то же время идея блага, хотя и в рамках идеи права, подводила к мысли о необходимости регламентаций в экономике — о подчинении последней культурным целям человечества. Из этого внутреннего противоречия выростала идея «правового» социализма как попытки (пусть и в перспективе) подчинения экономической жизни общества культурным целям человечества. Идею правового государства предлагалось увязать с идеей социализма, чему были посвящены исследования Кистяковского.

Решение проблемы связывалось с расширением идеи права за рамки закона. Существо права, считал Кистяковский, заключается в том, что оно более координирует, нежели навязывает и властвует; функции же государства состоят в поддержке, в гарантии *солидарных интересов людей*, т. е. самого ценного с точки зрения общечеловеческих интересов. Солидарность — вот тот общественный идеал, следование которому составляют смысл и содержание государственной деятельности, ибо *государство по своему назначению и по своей природе есть самая всеобъемлющая форма солидарности*. Конечно, чтобы государство стало таковым, необходимы условия, главным из которых является нравственное и духовное развитие личности — так идея государства увязывалась с идеей свободной личности³⁰. Понятие правового, т. е. конституционного, государства расширялось до границ, в рамках которых государственные функции предлагалось расценивать с точки зрения его гражданско-правовых институтов, а направление развития последних связывалось с движением общества к «правовому» социализму.

В государстве такого типа расширяется система субъективных публичных прав, заключающихся в «праве на труд, или в праве каждого человека на пользование землей и орудиями производства, в праве каждого человека на участие во всех материальных и культурных благах; все они объединяются одним общим правом на достойное человеческое существование»³¹. Система гарантированных прав личности пополняется, таким образом, новыми правами. «Правовой» социализм, считал Кистяковский, предлагает разработку юридической конструкции права на достойное существование, чего до этого не делалось — и потому, что либерализм рассматривал его (право) главным образом с точки зрения социальной справедливости, и потому, что социализм интерпретировался как явление социально-экономическое по преимуществу. Но «правовой» социализм своими истоками уходит в правовое государство, которое, согласно

³⁰ «Наша вера во временный и преходящий характер государственного насилия покоится на вере в человеческую личность. Личность со своими идеальными стремлениями и высшими целями не может мириться с тем, чтобы государство, долженствующее осуществлять солидарные интересы людей, занималось истреблением и уничтожением их». (Кистяковский Б. А. Указ. соч., с. 142.)

³¹ Там же, с. 158.

Кистяковскому, является школой и лабораторией, где вырабатываются принципы и институты будущего строя. Будучи буржуазным в социальном отношении, правовое государство есть школа демократии в политическом отношении.

Заканчивая анализ идей неолиберализма, приведем следующее, звучащее очень современно, высказывание Вебера: «Просто смехотворно приписывать современному развитому капитализму, в том виде, в каком он ныне импортируется в Россию и существует в Америке, этой «неизбежности» нашего хозяйственного развития избирательное сродство с «демократией» или даже «свободой» в каком-либо смысле слова, в то время как вопрос-то может ставиться только так: как вообще «возможно», чтобы при его господстве все это (т. е. демократия и свобода) продолжалось? Фактически они существуют лишь там, где за ними — решительная воля нации не дать править собой, как стадом баранов»³². Как не быть «стадом баранов»? — вот в чем вопрос, ибо остальное осуществится с неизбежностью экономической необходимости, исторического закона. Думается, один из способов этого — сохранение верности общечеловеческим ценностям, в разработке которых не последнюю роль сыграл наш отечественный либерализм.

³² В е б е р М. О буржуазной демократии в России. «Социологические исследования», 1922, №3, с. 131.